

Т.А. Воронина

Институт этнологии и антропологии РАН
Ленинский пр., 32а, Москва, 119991, Россия
E-mail: russkie2@iea.ras.ru

РАЦИОН ПИТАНИЯ СИБИРСКИХ КРЕСТЬЯН В ДНИ ПОСТА (XIX ВЕК)

Статья посвящена традиционному питанию русских крестьян в Сибири, включавшему много- и однодневные посты, которые предполагали ограничения в повседневном пищевом рационе, частичное или полное голодание в течение календарного года. Повседневный стол сибирских крестьян сохранял как черты, присущие русской кухне в целом, так и местные особенности питания. Показательно, что в народной кухне сибиряков наряду с общеизвестными блюдами (уха, пельмени, пироги) важное место занимали дикорастущие растения. Пост соблюдали даже в суровых климатических условиях, например, в Якутии, в местах заключения на Сахалине. С постами были связаны полевые работы, а также отхожие промыслы и неземледельческие занятия крестьян. Даже детей приучали поститься с раннего детства. Важность постов заключалась не только в отказе от определенного набора блюд, они способствовали укреплению нравственности, воспитанию многих положительных качеств и т.п. Привлекая широкий круг источников, автор показывает большую роль постов в жизни сибирских крестьян.

Ключевые слова: русский народ, крестьяне Сибири, традиционное питание, материальная культура, пост.

Со времен принятия христианства питание русских в течение года четко разделялось на постные дни, когда запрещалось есть скоромное – мясные, молочные и другие продукты животного происхождения (а в отдельные дни и рыбу), и мясоед – дни, когда состав употребляемой пищи не ограничивался. Чтобы нагляднее представить, какое место занимали одно- и многодневные посты (Великий, Петров, Успенский, Рождественский) в жизни русского народа, достаточно вспомнить, что большая часть года – 200 из 365/6 календарных дней – приходилась на посты и в рационе питания преобладали постные блюда. Посты были приурочены к определенным христианским праздникам.

Практика воздержания от приема определенного рода пищи всегда находилась в кругу проблем отечественной науки, связанных с изучением проявлений религиозности: «все своеобразие четырех длительных постов, еженедельных и особых постных дней со всей их местной, сезонной, половозрастной и, особенно, духовной спецификой – обширное поле этнографиче-

ского изучения» [Громько, 1996, с. 176–177]. Особый интерес представляет исследование практики поста в различных социальных группах России, поэтому цель статьи – дать краткий обзор особенностей соблюдения постов сибирскими крестьянами в XIX в.

Этнически многокомпонентное население Сибири состояло из местного и пришлого. В первой половине XIX в. за счет переселенцев активно увеличивалась доля русских: если в 1795 г. они составляли 69,24 % всего населения, то в 1858 г. – до 76,77 %. В некоторых областях Западной Сибири преобладали выходцы из славян. Например, в формировании населения Среднего Прииртышья, согласно переписи 1897 г., принимали участие выходцы почти из всех губерний Европейской России, причем основную роль в заселении сыграли жители черноземных губерний. Во всех округах Тобольской губ. русские преобладали по численности [Сатлыкова, 1983]. В пище населения Дальнего Востока сохранились традиции питания жителей России, Украины и Белоруссии, переселившихся сюда в 50-е гг. XIX в.

Русские, осваивая обширные территории Сибири, приспособлялись к новым условиям жизни, но сохраняли традиции родных мест. Крестьяне соблюдали практически все обряды и обычаи, связанные с церковными установлениями, поэтому неудивительно, что «в сибирских деревнях строго соблюдались посты» [Миненко, 1991, с. 192]. «К вере и церкви прибежен, наипаче жители Красноярские и Енисейские», – сообщал в 1809 г. о сибиряках губернатор Томской губ. В. Хвостов [1809, с. 6]. «Об усердии к церкви» крестьян Пермской губ. писал в начале XIX в. Н. Попов [1804, с. 227, 338]. Составитель географо-статистического описания Пермской губ. в середине XIX в. подполковник Х. Мозель отмечал, что местный крестьянин «усердно ходит в церковь по всем праздничным дням, исполняет строго все христианские обряды, говееет и приобщается каждый год... соблюдает все посты» [1864, с. 331].

В XIX в. слова «пост», «пощенье», «постованье», «постничанье», «поститься» и их производные составляли часть повседневного лексикона русских. Но в разных местах бытовали местные слова и выражения. Русские, проживающие в Сибири, говорили «постовать», а в других регионах чаще употребляли глагол «поститься». Слово «говение» означало благочестивый обычай быть умеренным в пище, не есть скоромное и даже сладкое (обычно не меньше трех дней), посещать храм. Известны и другие производные слова: «говельный» – «до говения относящийся», «говельщик» или «говельщица» – тот, кто говееет; «разговляться» – есть скоромное в первый раз после поста (отсюда «разговенье», «разговины»). Соответственно «заговенье» означало последний день накануне поста, когда еще можно употреблять скоромную пищу [Даль, т. I, 1989, с. 364; т. III, 1990, с. 345].

Питание сибиряков носило в целом ярко выраженный земледельческий характер, что обуславливало наличие в традиционном пищевом рационе растительных продуктов, особенно много хлеба: «Был бы только хлеб ржаной – крестьянин больше ни о чем не заботится» [Потехин, 1986, с. 271–272]. Вместе с тем местные природные и климатические условия существенно влияли на характер питания, поэтому пища населения всего края не была одинаковой [Липинская, 1997]. Соответственно разным был и постный стол сибирских крестьян, в котором прослеживались черты, присущие русской кухне в целом, а также местная специфика питания. Наличие у крестьян собственного хозяйства значительно облегчало соблюдение постов. Известная поговорка «щи да каша – пища наша» достаточно емко характеризует особенности русской национальной кухни. В Сибири ни один крестьянин не обходился без щей и каши. Основной пищей в дни поста были капустные щи с мучной заправкой, похлебки, блюда из картофеля,

капусты, гороха, фасоли, чечевицы, грибов с добавлением льняного или конопляного масла, рыбы в отварном, жареном и запеченном виде, кисели, ягоды, мед, квас, а также дикоросы.

Крестьяне Восточной Сибири, как писал Н.С. Щукин, «посты соблюдают строго в смысле неядения скоромного». Здесь в большом количестве культивировали картофель, получивший широкое распространение в России с конца XVIII в. Летом, когда пища была более скудной, по лесистым склонам собирали черемшу, медвежий лук (*Allium ursinum* L.) – дикорастущее растение из семейства лилейных со съедобными, пахнущими чесноком листьями, которые толкли и, немного посолив, ели с квасом. Стол дополнялся прошлогодними запасами картофеля и редьки, соленых и сушеных грибов, ягод. В праздники, если они приходились на пост и можно было есть рыбу, пекли пироги с рыбой, варили шербу (уху), жарили на масле тельное из рыбного фарша, делали пельмени с рыбой. Варили также пшеничный, гороховый и ягодный (в основном из облепихи) кисели, пекли блины, оладьи, пряженики – пирожки с фаршем, жаренные на конопляном или кедровом масле [Щукин, 1859, с. 36, 44, 47; 1990, с. 216].

Много русских проживало в Ялуторовском, Туринском, Тарском, Тюменском и Тобольском округах Тобольской губ. М.М. Громыко, используя в качестве источника ответы на вопросы анкеты Русского Географического общества 40-х г. XIX в., приводит интересные сведения о том, как соблюдали посты жители степного района Восточной Сибири. Крестьяне Каинского уезда готовили просяную или ячную кашу с конопляным или рыжиковым маслом (из семян рыжика (*Camelina Crantz*) – маслянистого растения из семейства крестоцветных), а также с рыбьим жиром, щи («шти») из рубленой капусты с ячменной крупой. Ели также картофельницу (картофельную похлебку), вареный горох, репницу с маком (похлебку из репы), репные или морковные паренки с сулом (суло – сладковатый навар на муке и солоде, использовался в качестве подливы), морковницу (похлебку из моркови), редьку, капусту, квашеную свеклу, пили густой квас. В числе повседневных блюд отмечена кулага – смесь ржаной муки и солода, заваренная кипятком, пропаренная и выдержанная на холоде; среди постных блюд она считалась лакомством. Постный праздничный стол, как правило, отличался разнообразием рыбных и мучных блюд. В том же уезде пекли пироги со щукой, чебаком, язём, окунем, карасем, налимом, линем, готовили жаркое из этих же видов рыбы. Уху (по-местному шарбу) варили из ершей и пескарей либо из той же рыбы, что шла в пироги. Оладьи и блины из пшеничной муки ели с конопляным и рыжиковым маслом. Каша тоже входила в праздничное угощение. Завершался постный вариант праздничного

стола блюдами из клюквы, черной смородины и «глубники» в сусле. В основе рациона крестьян Тарского уезда, Минусинского и Ишимского округов был тот же набор блюд с некоторыми дополнениями. Близкая картина складывается по описанию питания населения Шушенской и Тесинской волостей Минусинского округа [Громыко, 1973].

Жители Алтайского края, как сообщает В.А. Липинская, в посты ели дикий или огородный зеленый лук с квасом, затирки из муки, каши, отварной картофель, крупяные щи, болтушки, блюда из гороха, тюрю из хлебного крошева с квасом и водой, соленые грибы, огурцы и капусту. Местной особенностью была отварная лапша из ржаного теста. В праздники жарили рыбу, пекли пироги, варили щербу из свежей рыбы, похлебки с сушеной рыбой; пищу сдабривали льняным, конопляным, рыжиковым и кедровым маслом [Липинская, 1987, с. 180, 188].

Постный рацион крестьян, проживавших в юго-западной половине Шадринского уезда Пермской губ., включал холодное из тертой редьки с луком, картофелем и огурцами, белую капусту («серая» капуста из зеленых листьев в пищу не употреблялась), пирог из рыбы или груздей, густые щи из «толстой яшной» крупы, кашу из той же, но мелкой крупы, уху из свежей, а чаще из сухой рыбы, репные паренки и сушеную вишню в сусле, сладкие пироги с маком, толченой черемухой, вишней, густой квас из сусли. Суп и похlebка с рыбой, заправленные растительным маслом, считались полупостными блюдами. Традиционные для сибиряков «пельняни» (пельмени) начинялись груздями и капустой [Успенский, 1859, с. 29].

В Верхотурском уезде «пища, ежедневно употребляемая в постные дни, – щи с ячной крупой, картофель, репа, морковь, соленая капуста, а в праздники – рыба. В Ирбитском уезде в постные дни всегда ели черный или ячменный хлеб, щи из толстой ячменной крупы, просяную или овсяную кашу с постным маслом, соленую капусту, огурцы, грузди, вареный картофель, редьку с квасом, по праздникам в постные дни ели белый хлеб, пирог с рыбой, вареную рыбу, жаркое из рыбы или картофеля, горошницу, гороховый кисель с постным маслом, просяную кашу с маслом» (Архив Русского географического общества. Р. 29. Оп. 1. Д. 18. Л. 2 об.; Д. 21. Л. 1 об.).

В некоторых сибирских губерниях перед Петровками (так называли Петров пост), как и перед Филипповым постом, праздновали «яичное заговенье» – варили яйца. Петровки заканчивались празднованием дня памяти святых апостолов Петра и Павла (29 июня), который еще называли днем Петра-рыболова. Почитание апостола Петра как покровителя рыбных промыслов было принято в Западной и Восточной Сибири [Громыко, 1975, с. 191]. В Тюменском окр. в день праздника рыбаки служили молебен, в

некоторых местах существовал обычай собирать «Петру-рыболову на мирскую свечу», которую ставили в храме [Максимов, 1994, с. 393]. Крестьяне Приангарья, садясь за праздничную щербу (уху), приговаривали: «Петры-Павлы! Садитесь хлеба-соли кушать: вам каша, нам чаша; вам рыбка, нам щербка» [Макаренко, 1913, с. 88]. В деревнях Бутурлинской вол. на Алтае в дни заговенья накануне Петрова и Рождественского поста отмечали праздники «съезжих» [Миненко, 1991, с. 203].

Из всех дней Страстной седмицы выделялся Великий, или Чистый, четверг (Великий Четверток). По народной традиции, большое значение придавали четверговому хлебу. Крестьяне верили, что в Великий четверг Господь невидимо благословляет даже тот хлеб, который пекли и подавали к обеду [Максимов, 1994, с. 322]. Уроженец с. Усть-Ницы Тюменского окр. Ф. Зобнин вспоминал: «Утром в Четверг только что встанем – видим, что на божнице, около икон, стоит коврига хлеба и большая резная деревянная солонка: это четвережный хлеб и четвережная соль» [Зобнин, 1894, с. 40].

Важно, что после окончания Великого поста к скоромной пище приступали не сразу. Ф. Зобнин вспоминал, что после Христовой обедни на столе сначала появлялось масло: «Мы пробовали было заявить, что масла не хотим. Но отец с матерью стояли на своем, говоря, что нужно выхлебнуть ложку масла, иначе после поста-то сердце будет давить. После масла стали молосными шами разговляться» [Там же, с. 43].

Известно, что крестьяне в течение постов копили молочные продукты, которые нередко продавали или обменивали на другие продукты питания, что давало немалую экономическую выгоду. Так поступали чаще всего в Петров пост. Например, в с. Усть-Ницы Тюменского окр. заботливые хозяйки копили творог для т.н. кислого молока, сметану и масло. Чем длиннее были Петровки, тем выгоднее это становилось для крестьянок, потому что в промежговенье – время между постами – ни сметаны, ни масла накопить не удавалось. Поскольку пост приходился в основном на июнь, носивший название «межень», масло называлось «меженным». Оно считалось самым лучшим и доброкачественным [Там же, с. 55]. В Сибири и на Дальнем Востоке излишки молока в постные дни замораживали [Аргудяева, 2001, с. 81].

В дни постов почти все крестьяне старались пользоваться «постной» посудой – горшками, мисками, ложками. Известно, что семейские Забайкалья также ревностно относились к посуде и разделяли ее на чистую и нечистую, на постную и скоромную («молосную») [Болонев, 1984, с. 32].

Детей приучали к посту довольно рано, причем материнским молоком ребенка кормили три поста, не считая Филипповский и Петров. Например, если

младенец родился зимой, то кормили два Великих и один Успенский, а если весной, до Успенского поста, тогда кормили два Успенских поста и один Великий. После на малыша распространялась необходимость соблюдения постов (Архив Российского этнографического музея. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1725. Л. 4; Д. 583. Л. 4 об.). У крестьянок, проживавших на Дальнем Востоке (Приамурье, Приморье), как и у многих русских женщин, промежуток между родами был связан с обычаем кормить ребенка грудью «два Великих поста», а иногда и весь период лактации [Аргудяева, 2001, с. 196]. Крестьяне Западной Сибири отсутствие скоромятой пищи в Великий пост объясняли детям тем, что все молоко и масло сгорело на масленичных кострах: «Сожгли все, теперь ни масла, ничего нет» [Новоселова, 1974, с. 40].

Житель с. Усть-Ницы Тюменского окр. Ф. Зобнин вспоминал, насколько строго соблюдали пост в их семье. Накануне Пасхи каждый из детей получал от родителей яйца – «по паям», и никому из них не приходило в голову съесть их, не дожидаясь праздника. Тем более непонятным для детей казался рассказ отца о том, «что он в городе видел “господ”, которые и в Великий пост “кушали мяско”» [1894, с. 42].

Помимо обязательных постов, время проведения которых регламентировалось уставом Русской Православной церкви, часть верующих добровольно налагала на себя дополнительный пост в понедельник – «понедельничанье». «Кто понедельник, – говорили в народе, – возрадуется заступничеству архангела Михаила». Жители Усть-Ницынской слободы Тюменского окр. воздерживались также от употребления мясной и молочной пищи по средам и пятницам, а старики еще и по понедельникам [Зобнин, 1898, с. 125]. Многие пожилые крестьяне Шадринского уезда свято соблюдали посты, установленные церковью, а также по понедельникам [Успенский, 1859, с. 14–15].

На Крайнем Севере Восточной Сибири пост соблюдали жители Русского Устья Верхоянского окр., расположенного на р. Индигирке в 80 в. от Ледовитого океана, в зоне тундры. Важным моментом в жизни индигирцев, проживавших в болотистой местности, лишенной растительности, где морозы зимой доходили до -50°C , был приезд священника. Это случалось только перед Пасхой, поэтому все необходимые требы – крещение, венчание (несмотря на пост) и отпевание – исполнялись разом. «Работы священнику много; отовсюду съезжаются постники с семьями; говеют каждогодно». Для женщин говенье и «гощенье» были единственной возможностью увидеть друг друга, хотя мужчины виделись чаще на промыслах [Зензинов, 1913, с. 176–177].

Хлеб, крупитчатую и ржаную муку, кирпичный чай, сахар, пшеничные или ржаные сухари привозили из Якутска. Основным продуктом питания была рыба –

чир, омуль, муксун. Из нее варили преимущественно уху (здесь слово «щербá» произносили с ударением на последнем слоге). Рыбу использовали и в вяленом виде (юкола). С рыбой пекли пирожейники, но такие пироги могли позволить себе только богатые. Чаще всего делали топтаники – пироги, у которых и начинка, и тесто были только из рыбы. Круглые лепешки из мятой «сельдятки» назывались «тельно». Из мороженой и мятой икры, лучше всего «сельдятки», готовили барбаны – толстые лепешки типа оладий и тонкие большие (во всю сковороду) блины. Иногда в тесто блинов и барбанов добавляли безвкусные сладковатые корни дикорастущей макарши (макаршино корне, змеин-корень (*Polygonum Bistorta*)) [Даль, 1989, т. II, с. 290], отчего они немного темнели. С вареной и толченой макаршей жарили также «сельдяжки пупки», это блюдо называлось «макаршинный кавардак». Ягоды – морошка и «дикуша» (род черной смородины (*Ribes*)) [Даль, 1989, т. I, с. 436] – здесь были очень редки. Летом собирали щавель и жарили его в рыбьем жире. Вместо чая использовали бруснику, иногда пили просто горячую воду [Зензинов, 1913, с. 163–166]. В.М. Зензинов обнаружил много общего в культуре насельников Русского Устья и жителей с. Марково на Анадыре, которые, как и индигирцы, соблюдали посты [Зензинов, 1914, с. 155].

Жители Русского Устья при ловле рыбы ориентировались на посты. Так, омулевый ход продолжался весь Петров пост до Петрова дня, ход «сельдятки» и муксуна начинался до Успения и длился до Воздвижения. Метать икру рыба начинала к Иванову дню (29 августа). На Успенский пост ориентировались при промысле больших белолобых гусей: они возвращались на время гусевания к Успенью, или «Ивану» (29 августа) [Зензинов, 1913, с. 149, 150, 156].

С постами были связаны некоторые сельскохозяйственные работы: по народным приметам, погодные условия изменялись в определенные дни календарного года. На посты, например, ориентировались при определении начала сенокоса, уборки зерновых и огородных культур. Лен выбирали во время Успенского поста незадолго до Успеньева дня (15 августа), потом наступала пора утренних холодных рос. Коноплю убирали до Иванова дня, когда соблюдали однодневный пост в память о святом пророке Иоанне Предтече (29 августа). После него начинались легкие морозы, и крестьяне спешили с уборкой картофеля. Таким образом, посты в известной степени разграничивали время года и были связаны с сельскохозяйственным кругом занятий. В зимние посты мужчины занимались подледным ловом рыбы, вывозкой леса и подготовкой к сплаву. В марте с установлением наста начиналась охота на медведей и лосей.

Сибирские крестьяне часто уходили на различного рода заработки. С начала Великого поста до Рождест-

венского поста часть мужского населения нанималась на камнетесные работы. Крестьяне также дожидались окончания Петрова поста и в Петров день (29 июня) начинали косить, а потом уходили на заработки («на сторону»). Рабочий год крестьян, занимавшихся отхожим промыслом, начинался между 8 сентября и 1 октября и длился до Петрова дня, поэтому для некоторых ведение промысла приостанавливалось между Петровым днем (29 июня) и Преображением (6 августа) – временем окончания покоса.

В Сибири был очень развит такой промысел, как сбор кедровых орехов (из них били масло для себя и для продажи), а также дикорастущих растений. В северных районах Сибири сбор кедровых орехов и дикорастущего хмеля совпадал с окончанием Успенского поста [Громыко, 1975, с. 222, 228; Сатлыкова, 1983, с. 166]. Жители Курганского окр. к началу Великого поста приурочивали строительство избы. Считалось, что тем, кто начал рубить дом ранней весной и в новолуние, будет сопутствовать удача [Громыко, 1975, с. 236–237].

Пост соблюдали и в местах заключения на о-ве Сахалин в Охотском море, территория которого по природно-климатическим условиям не везде была пригодна для поселения. На 1 января 1890 г. на острове насчитывалось 5 905 каторжных обоюго пола [Чехов, 1987, с. 229]. Большинство составляли прибывшие из Тамбовской, Самарской, Черниговской губерний и др. [Там же, с. 242]. А.П. Чехов, изучая быт сахалинских ссыльных, отмечал, что из всех учтенных им обитателей 86,5 % составляли православные, которые продолжали соблюдать церковные таинства [Там же, с. 306]. «Поселенцы говеют, венчаются и детей крестят в церквях, если живут близко, – отмечал он. – В дальние селения ездят сами священники и там “постят” ссыльных» [Там же, с. 303]. Конечно, необычные условия жизни сказывались и на возможностях посещения храма: «В Великом посту каторжные говеют; на это дается им три утра. Когда говеют кандалные или живущие в Воеводской и Дуйской тюрьмах, то вокруг церкви стоят часовые, и это, говорят, производит удручающее впечатление. Каторжные чернорабочие обыкновенно в церковь не ходят, так как каждым праздничным днем пользуются для того, чтобы отдохнуть, починиться, сходить по ягоды; к тому же церкви здешние тесны, и как-то само собою установилось, что ходить в церковь могут только одетые в вольное платье, то есть одна так называемая чистая публика» [Там же].

В соответствии с «Табелем о довольствии ссыльнокаторжных мужчин и женщин пищею», составленным на основании положения о провиантском и приварочном довольствии войск от 31 июля 1871 г., сахалинские ссыльные тоже состояли на казенном довольствии и получали ежедневно печеный хлеб, крупу

и разные приварочные продукты на 1 коп.; в постный день мясо заменялось рыбой. Арестанты получали еду в бараках или в пристройке, в которой помещалась кухня, но качество продуктов оставляло желать лучшего. Постились и солдаты, которых называли «пионерами Сахалина», потому что они появились здесь до учреждения каторги. Солдаты жили на западном, южном и юго-восточном побережье острова и питались так же плохо, как и арестанты. Летом к ним приходило судно с провиантом, а зимой приезжал «попостить» их священник [Там же, с. 292, 293, 308, 309].

Данная статья дает лишь небольшое представление о пищевом рационе сибирских крестьян в дни поста. Приведенные сведения позволяют сделать вывод о строгом и неукоснительном соблюдении постов. Даже детей крестьяне приучали поститься с раннего детства. Воздержание от скоромной пищи давало значимую экономическую выгоду. Общеизвестны такие блюда сибиряков, как уха, пельмени, пироги и т.д. Однако в пищу сибирские крестьяне широко употребляли и дикорастущие растения. Пост соблюдали даже в суровых климатических условиях, например, в Якутии, а также в местах заключения на Сахалине. С постами были связаны некоторые полевые работы крестьян, отхожие промыслы и некоторые неземледельческие занятия сибиряков (охота, рыболовство, сбор кедровых орехов, хмеля).

В целом, как показывают источники, в XIX в. посты, определявшие ограничения в пищевом рационе, вносили большие изменения в обычную жизнь сибирских крестьян. И хотя в соблюдении поста у них было много общего, некоторые блюда составляли локальные особенности, т.е. вариативность в кулинарии определялась природной зональностью. Постный стол составлял существенную часть традиционного пищевого рациона, можно сказать, что на чередовании поста и мясоеда зиждилась русская национальная кухня. Изучение практики поста имеет большое значение для определения национальных черт народа, связанных с его традиционным питанием. Это позволяет рассматривать пост как важный компонент материальной культуры этноса.

Список литературы

Аргудяева Ю.В. Семья и семейный быт у русских крестьян на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в. – Владивосток: Изд-во Ин-та истории, археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2001. – 132 с.

Болонев Ф.Ф. О гончарстве русского населения Забайкалья // Этнография народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 30–39.

Громыко М.М. Новые данные по материальной культуре русских крестьян Каинского уезда в 40-х годах XIX в. //

Изв. Новосиб. отд. Геогр. об-ва СССР. – Новосибирск, 1973. – Вып. 6. – С. 155–158.

Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XIII – первая половина XIX в.). – Новосибирск: Наука, 1975. – 351 с.

Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. – М.: Наука, 1986. – 280 с.

Громыко М.М. Православие у русских: проблемы этнологического исследования // Православие и русская народная культура. – М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1996. – Кн. 6. – С. 160–185.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1989. – Т. I. – 699 с.; Т. II. – 1989. – 779 с.; Т. III. – 1990. – 555 с.

Зензинов В.М. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа // Этногр. обозрение. – 1913. – № 1/2. – С. 110–235.

Зензинов В.М. Марковцы и русско-устыинцы (Этнографические параллели и сравнения) // Этногр. обозрение. – 1914. – № 1/2. – С. 155–161.

Зобнин Ф. Из года в год (Описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницынском Тюменского округа) // Живая старина. – СПб., 1894. – Вып. 1. – С. 37–64.

Зобнин Ф. Из года в год. Усть-Ницынская слобода, Тюменского уезда, Тобольской губ. // Живая старина. – СПб., 1898. – Вып. 2. – С. 125–157.

Липинская В.А. Русское население Алтайского края: Народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.). – М.: Наука, 1987. – 224 с.

Липинская В.А. Пища (XI–XX вв.) // Русские. – М.: Наука, 1997. – С. 354–397.

Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь, Енисейская губерния. – СПб., 1913. – 292 с.

Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб.: Полисет, 1994. – 446 с.

Миненко Н.А. Культура русских крестьян Зауралья, XVIII – первая половина XIX в. – М.: Наука, 1991. – 224 с.

Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Пермская губерния. – СПб., 1864. – Ч. 1. – 60 с.

Новоселова Л.В. Народный календарь и его поэзия в Западной Сибири (По старым и новым записям) // Фольклор и литература Сибири. – 1974. – Вып. 1. – С. 24–42.

Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии. – Пермь, 1804. – Ч. 2. – 403 с.

Потехин А.А. Крестьянские дети // Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей второй половины XIX века. – М.: Современник, 1986. – С. 226–311.

Сатлыкова Р.К. Культурно-бытовые взаимодействия населения Среднего Прииртышья // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1983. – С. 163–174.

Успенский Т. Очерк юго-западной половины Шадринского уезда // Пермский сборник. – М., 1859. – Кн. 1, раздел IV: Смесь. – С. 3–41.

Хвостов В. О Томской губернии и о населении большой сибирской дороги, до Иркутской границы. – СПб.: Изд-во Имп. академии наук, 1809. – 107 с.

Чехов А.П. Остров Сахалин (Из путевых заметок) // Чехов А.П. Собр. соч.: В 18 т. – М.: Наука, 1987. – Т. 14/15. – С. 39–372.

Щукин Н.С. Быт крестьянина Восточной Сибири // Журнал министерства внутренних дел (СПб.). – 1859. – Кн. 2, отд. 3. Материалы для статистики России. – С. 32–53.

Щукин Н. Житие сибирское в древних преданиях и нынешних впечатлениях // Записки иркутских жителей. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. – С. 218–224.

Материал поступил в редколлегию 25.03.10 г.